ніи науки и искусства и увѣнчанную въ 1750 году Дижонскою академіей рѣчь о томъ: „Содѣйствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ?“ На статью *О значеніи науки и искусства* я уже не разъ ссылался выше, а теперь позволю себѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи Руссо.

Описавъ привлекательность внѣшней стороны своего времени и своей среды, Руссо замѣчаетъ: „Какъ сладко было бы жить посреди насъ, еслибы внѣшность служила всегда выраженіемъ сердечнаго расположенія, еслибы приличіе было добродѣтелью, еслибы наши правила дѣйствительно руководили нами; еслибы истинная философія была неразрывна съ названіемъ философа. Но столько качествъ рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ; и добродѣтель никогда не является такъ торжественно. Роскошь въ нарядѣ можетъ указывать на богатство, а изящество на вкусъ человѣка; но человѣкъ здоровый и сильный узнается по другимъ примѣтамъ. Подъ деревенскою одеждою пахаря, а не подъ позолотой придворнаго можно найти тѣлесное здоровье и силу. Не менѣе чужда нарядовъ и добродѣтель — это здоровье и сила душевныя. Человѣкъ добродѣтельный есть атлетъ, который любитъ сражаться нагимъ: онъ презираетъ всѣ ничтожныя украшенія, которыя помѣшали бы ему развернуть свои силы и большая часть которыхъ придумана только для того, чтобы скрыть то или другое уродство“.